

К ДЕТЕРМИНАНТАМ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Х. Г. Тхагапсоев, профессор кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного университета,
доктор философских наук, г. Нальчик*

Подчеркнем сразу – в статье представлена позиция «включенного наблюдателя» социально-политических перипетий и коллизий последних 15-20 лет на Северном Кавказе. По роду своих занятий он пытался анализировать и оценивать эти процессы¹. Итог этих занятий, увы, не утешителен – российская стратегия в этом регионе на протяжении всей постсоветской эпохи была и остается неадекватной ситуации, ее вызовам и тенденциям развития. Более того – «ситуация явного разрыва» между политической стратегией Федерального Центра и этнополитической ситуацией в Северо-Кавказском регионе (и не только здесь) сегодня во многом напоминает положение дел в начале 90-х кризисных годов.

¹ Тхагапсоев Х. Г. Кавказ в проблематике российской социокультурной трансформации // Государственная служба, № 4(6), 1999; Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа, 2002, № 3; Этнополитическая ситуация на российском Кавказе: контексты, доминантные факторы и тенденции развития // Кавказский регион – пути стабилизации. – Ростов-на-Дону, издательство РГУ, 2004; Мифогенез в новейшей истории российских этносов // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе (сборник научных статей), Ростов-на-Дону, 2004; Истоки региональных конфликтов и проблемы их объективации // Сб. научных статей «Факторы конфликтности на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, издательство СКНЦВШ, 2005; «Этнический этатизм в политическом бытии современной России» // Сб. материалов Международной конференции «Государство и общество: философия, экономика, культура», Москва, 2005; «Нальчик 13 октября» как вызов современной России // Научная мысль Кавказа, № 2, 2006.

Этническое сознание – симптомы нового кризиса

Складывающуюся ныне в стране ситуацию в национальном вопросе чаще всего осторожно квалифицируют как «неразработанность» этого вопроса². Однако реальное положение дел в этой сфере значительно сложнее. Дело в том, что характерная для современной внутривнутриполитической стратегии России противоречивость и половинчатость в решении многих ключевых вопросов³ коснулась и национального вопроса, что проявляется, по меньшей мере, в следующих формах:

- в явной противоречивости существующих политико-правовых оснований регулирования национального вопроса;
- в отсутствии публично артикулируемой перспективной стратегии России в отношении национального вопроса (к чему страна стремится: сохранить «этнополитическую единицу», т. е. национальную республику как основу федерализма; перейти к территориальной организации Федерации и, соответственно, – к культурной автономии этносов; проводить политику поликультурализма или стратегию «плавильного котла» культур?);
- в отсутствии нормативной практики системного проявления (мониторинга) этнополитических процессов и тенденций их развития, а главное – традиций, норм и механизмов их учета в процессах политического управления.

Подобная общая зыбкость и ненадежность существующих в современной России политико-правовых оснований в сфере национального вопроса повседневно заявляют о себе в целом спектре конфликтных ситуаций и регулятивно-управленческих парадоксов, которые образуют, по меньшей мере, три типические группы. Первая группа связана с расхождениями этнополитической практики и норм Конституции:

- Конституция провозглашает единое гражданство, а политико-административное устройство страны базируется на этнических и этнотерриториальных принципах, создавая таким образом непримиримые противоречия между двумя основными формами социальной субъектности россиянина – гражданской и политической;

- Конституция и нормы закона запрещают формирование политических партий национальной направленности, но в реальной действительности активно действует партия ЛДПР, идеологию которой трудно назвать интернациональной; подобные интенции просматриваются и в идеологиях ряда легитимированных партий национально-патриотического толка;

² Черонус В. В. Северокавказское общество на рубеже веков // Научная мысль Кавказа, 2005, № 4.

³ Красин Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис 2003, № 1.

Пастухов В. Б. Шаг назад, два шага вперед (русское общество и государство в межкультурном пространстве) // Полис, 2005, с. 66-92.

– в разрез с нормами Конституции бытует практика прямого и активного участия государственных структур в политическом движении казачества, позиционирующего себя как субэтнос.

Вторую группу образуют противоречия между целями и средствами российских реформ. Так, цели реформ (как они манифестируются) – либеральные и демократические, а в качестве основного инструмента их реализации в этнических республиках использовался, и по сей день используется, этнический этатизм, имеющий мало общего с демократией в политической жизни и либеральностью экономических отношений⁴. Более того, в России в целом нарастают этатистские тенденции.

К третьей группе можно отнести противоречия между провозглашенным Конституцией принципом единого гражданства в России и сохраняющейся (и даже ужесточаемой) практикой регистрации гражданина по конкретному месту проживания, что фактически перечеркивает этот принцип. Нетрудно понять, как все это отзывается в этническом сознании.

К этому следует добавить, что строительство вертикали власти в последние восемь лет, – а оно, как известно, мотивировалось и направлялось жизненно важной идеей «восстановления единства конституционного пространства в стране», – на практике обернулось таким ростом уровня бюрократизации власти и управления, что фактически «возвращает» ситуацию в этнических республиках (прежде всего, уровень их самостоятельности в выборе стратегии и тактики социально-культурного развития) к советским временам.

В этом плане характерен такой факт – в регионах сегодня действуют 63 структуры власти и управления прямого федерального подчинения, в числе которых не только прокуратура, ФСБ и МВД, но и многочисленные заведения-ведомства с державной приставкой «российское», которые, как это ни странно, всерьез заняты регулированием совершенно рядовых услуг, оказываемых населению (торговых, бытовых, кадастровых и т. д.) и даже надзирают за приготовлением пищи в поселковых, сельских и хуторских кафе.

Более того, либерализация социально-экономического бытия в стране в целом и переход России на стратегию проектного управления развитием в национальных республиках (особенно Южного региона), увы, оборачивается новыми формами (механизмами) ограничения их развития. Речь, в частности, идет о так называемом «механизме софинансирования национальных проектов». Дело в том, что национальные проекты: «Образование», «Здоровье», «Доступное жилье» и др., выступающие ныне как важнейшие инструменты социально-культурного развития страны, управляются таким образом, что доступ региона к ним, как правило, возможен лишь при обеспечении долевого участия (от 10% до 50%) в финансировании расходов на реализацию того или иного конкретного проекта на территории региона. Это условие часто оказывается «механизмом исключения»

⁴ Тхагалсоев Х. Г. К особенностям социального бытия современной России // Философские науки, 2007, № 9.

кавказских этнических республик из общероссийских проектов, поскольку слабость экономики и дотационность бюджетов не позволяет им обеспечивать необходимое софинансирование и стать субъектом проекта.

Подобных примеров формального либерально-партнерского, а по сути, отчуждающего отношения Центра к регионам особенно много в сферах налоговой и бюджетной политики.

Этнополитическая ситуация отягощается и тем, что российская законодательная практика серьезно отстает от изменений самой ситуации, ее запросов и потребностей. Так, в пору суверенизации этнических республик были введены законодательные нормы, которые обязывали республики финансировать «свои полномочия» за счет собственных средств. Это относилось и к расходам на развитие культуры, в том числе и на реализацию национально-регионального компонента в сфере образования – в стандартах и программах школ, вузов, ссузов. Хотя национальные республики давно перестали быть суверенными, российское гражданство единое (а значит, – и в неотъемлемых правах гражданина), безотказно действует вертикаль власти и управления, почему-то сохраняется, как и в 90-е гг., принцип самостоятельного финансирования расходов «на собственные полномочия», что особенно болезненно (если не сказать, разрушительно) отражается именно на сферах образования и культуры республик.

Оставим в стороне типичные и достаточно известные последствия данной ситуации – низкий уровень зарплаты работников культуры и образования (в КБР, например, от 2 до 4 тыс. руб.), деградация театров и т. д. Несоответствие политико-управленческой практики (стратегии) страны реальной ситуации в этнических республиках порой приводит к последствиям, которые впору квалифицировать как массовое нарушение конституционных прав человека.

Например, в Кабардино-Балкарской республике уже ряд лет не ведется обучение в начальной школе на национальных (родных) языках из-за отсутствия средств на разработку, модернизацию, тиражирование учебников и пособий на кабардинском и балкарском языках. В то же время, реальная социолингвистическая ситуация в республике такова, что в сельской местности (а сельское население в КБР составляет около 40%) «семейным языком» реально является либо кабардинский, либо балкарский язык. В итоге, ребенок КБР, приходя в школу (в первый класс), оказывается в немыслимо трудной ситуации – он вынужден учиться на языке, которым он не владеет. В переложении на язык конституционного права это означает ни что иное, как нарушение принципа равного доступа к образованию.

Подобных примеров отчуждающего и «недружественного» проявления ошибок российской этнополитической стратегии в отношении этнических социумов, увы, много. В их ряду и закон о реабилитации репрессированных народов, принятый в 90-х гг., в идеологии и априоризмах той поры. Этот закон содержит норму о территориальной реабилитации ряда этносов и просто несовместим со стратегическим курсом современной России на

формирование единого гражданства, единой политической нации. Однако рудиментарный закон продолжает действовать, подпитывая межэтнические трения и конфликты, этнический сепаратизм и экстремизм в северокавказских республиках, в том числе ингушско-осетинский конфликт, ползучую идею «карачаево-балкарского объединения» и прочие феномены политического экстремизма.

В целом, этнополитическое бытие в стране сегодня, как нам представляется, являет собой сложную и противоречивую ситуацию «двойного кризиса» – взаимное наложение двух очевидных кризисных явлений (феноменов): кризиса российской политической стратегии в национальном вопросе (как в плане теории, так и в плане управленческой практики, о чем выше уже говорилось) и кризиса этнического сознания, который упорно не замечается на российской арене социально-гуманитарной аналитики, хотя кричащим образом проявляется в ряде фиксируемых эмпирически феноменов.

Укажем наиболее значимые из них:

- общее резкое снижение всех форм этнополитической активности в стране, а в ряде случаев ее вырождение в маргинальные формы – религиозный экстремизм и терроризм (особенно в кавказском регионе);

- снижение активности этнической самоидентификации при одновременном возрастании активности религиозного самосознания и религиозной самоидентификации. В этом плане характерно, что изъятие из паспорта графы о национальности не вызвало особого резонанса в этнических сообществах, а запрет фотографироваться в хиджабах встретил активное противодействие, включая настойчивое обращение во все судебные инстанции России, вплоть до Конституционного суда.

К признакам «нового кризиса» этнического сознания в современной России, на наш взгляд, относится и равнодушное отношение этнических социумов к замене прямого выбора президентов национальных республик их назначением. Ситуация «двойного кризиса» в преломлении на мир повседневности этноса означает не только резкий спад активности (если не сказать, наступление аномии), но и распространенность ощущения «обманутых надежд», массовое недовольство этнических социумов результатами реформ. А реформы на местах привели к тому, что ожидания этнической активности не оправдались и не сбылись даже в отношении их «витальных» интенций на создание исторических перспектив для своей культуры. В этом плане характерны оценки известных кавказоведов, утверждающих, что реформы последних десятилетий нанесли культуре этносов удар, чреватый «необратимостью дегуманизации этнического общества»⁵.

Но кризис этнополитических отношений в стране выражается в самощущении этнических социумов, а точнее, в кризисе этнического сознания. Он имеет множество эмпирических, наблюдаемых и фиксируемых проявлений, частично отмеченных выше. Кризисность этнического созна-

⁵ Бажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999, 76 с.

ния и этнополитических отношений в современной России остается «незамеченной» вне политологических дискурсов прежде всего по той причине, что идея-тезис об «общей политической стабилизации в стране» стала доминантой всех дискурсов.

Едва ли надо доказывать, что наложение противоречий (и очевидных слабостей) этнополитической стратегии страны на кризис этнического сознания лишь повышает неопределенность и нестабильность в сфере национальных отношений, настоятельно требуя пристального внимания общества, рациональных действий властей, активности и ответственности социально-гуманитарной науки в осмыслении уроков новейшей постсоветской истории страны и сегодняшней этнополитической ситуации.

Незамеченные и невыученные уроки 90-х годов

Существующая ныне этнополитическая ситуация уходит своими корнями вглубь российской политической истории и акцентирована, прежде всего, на процессах этнической активности 90-х гг. Эти процессы чаще всего рассматриваются как основная причина и движущая сила суверенизации этнических республик. Однако это всего лишь один из аспектов (и этапов) развития сложных и противоречивых процессов этнической активности 90-х гг., которая была и остается самым масштабным событием в собственно этнической истории России в XX в., последствия которого и сегодня детерминируют этнополитическую ситуацию в регионе. Дух этой активности (при всей противоречивости ее интенций) в общем и целом был сродни духу ренессанса – в нем доминировало ощущение открывшейся свободы, всеобщего преодоления пут и преград советского бытия к культурному самоопределению и к новому качеству социального развития. А формы ее (активности) выражения были весьма многообразны и, мягко говоря, неоднородны – от интеллектуальных попыток найти пути к новой парадигме собственной культуры и социальной идентичности, до агрессивных и бессистемных действий по утверждению «приоритета этнического» едва ли не во всех сферах социального бытия.

Но главное, на что хотелось бы обратить внимание в данном случае, – в развитии этих процессов просматриваются четыре этапа, которые различаются как по доминантным целям, так и по механизмам развертывания.

На первом, «спонтанном» этапе преобладали интенции «возрождения» – не было четких политических программ и проектов, все ограничивалось размытой идеей «успешного развития», которая понималась как некое вмонтирование современных технологий в ткань собственно этнической культуры. Однако ситуация изменилась радикально, когда этнические кланы советской номенклатуры, которые в то время стояли у власти (впрочем, стояли бессменно уже давно, десятилетия) поняли, что российские реформы даже в их специфической («ельцинской») форме, далекой от идеалов демократизма, угрожают их власти. Они (властвующие кланы) резко изменили свою тактику – перешли от борьбы со спонтанной этнической активностью

(в которой они поначалу усматривали главную угрозу для своей власти) к союзу с ней, а затем – и к непосредственному руководству, придав ей выраженный политический характер, т. е. характер этнической мобилизации.

Как известно, подобная мобилизация выражает интересы элиты, выдавая их за всеобщие интересы этноса и, соответственно, облекая во всеобщие политические формы. Так случилось и на сей раз. Едва ли не в одночасье спонтанная этническая активность была «переоформлена» в политические требования – в требования этнического суверенитета.

В этом плане второй этап этнической активности (мобилизация) стал эмпирическим подтверждением (верификацией) рационально-инструменталистских концепций этничности, что, впрочем, в нашей этнологии особым признанием не пользуется. Подобная этническая мобилизация вполне органично вписывалась в «реформы сверху», которые не отличались демократизмом и явно предпочитали опираться на крепко сколоченные корпорации «интересов» и «влияния».

Ныне в нашей политологической науке принято новейшую историю России делить на две эпохи – «ельцинскую» и «путинскую». Казалось бы, эта логика может быть распространена и на историю этнополитических процессов. Однако это не соответствует действительности: на самом же деле три этапа новейшей этнополитической истории России, в том числе и третий этап – этап этнического этатизма, – приходится на «ельцинскую эпоху». Именно третий этап генезиса этнической активности стал прелюдией нынешнего кризиса этнического сознания.

Напомним, в республиках, заявивших о себе как о «суверенных государствах», были созданы такие порядки, которые давали немислимые привилегии правящим кланам, но резко ограничивали права и свободы граждан, порождая множество форм отчуждения рядового человека от социально-политического бытия и атомизируя социум. Самая главная особенность этих порядков заключалась в том, что в их рамках власть становилась недоступной для влияния и контроля как «снизу» так и «сверху», что в итоге и вызвало отторжение подобных политических порядков (режима этнического этатизма) в среде этнического населения, породив заодно взаимную отчужденность клановых элит и населения.

Вот здесь мы подошли «к незамеченным урокам 90-х». Дело в том, что негативный опыт бытования режима этнического этатизма в национальных республиках имел, как показало время, и принципиально важные позитивные последствия, которые пока должным образом не осознаются в российском политическом мышлении и в политической практике. В частности, этот негативный опыт придал альянсу российских этносов с русским этносом новую актуальность: альянс стал рассматриваться как ориентир исторической перспективы. Это выразилось, прежде всего, в спаде политизированных «исторических претензий» к русскому этносу (они чаще всего формулировались как «исторические несправедливости») и в угасании активности политизированной методологии этноцентризма.

Принципиально важно, что все это происходит на фоне уже отмеченного выше недовольства этнических сообществ ходом и результатами российских социально-экономических реформ, т. е. на фоне, казалось бы, не очень благоприятном для таких позитивных подвижек. Значит, речь идет об экзистенциальном для этнического бытия, о принципиально важном и сущностном, а именно: об осознании российскими этническими сообществами того обстоятельства, что в условиях современного мира самозамыкание в рамки собственной суверенности чревато не только явно недемократическими формами власти (в чем наши этносы убедились на опыте последних 15 лет), но и деградацией культуры (в чем убеждаются и по сей день), в то время как интеграция в общее политическое и культурное пространство России снижает подобные риски.

«Моментом истины», демонстрирующим подобную ориентированность кавказских этносов на общность с Россией и российской цивилизацией в свое время стала резко негативная реакция дагестанских этносов на «освободительный поход» чеченских сепаратистов. Резко негативной была и реакция населения Кабардино-Балкарии на вооруженную акцию сети ваххабизма 13 октября 2005 г., хотя участники этой акции носили повязки притязательного, оранжевого цвета.

Если учитывать эти обстоятельства, становится очевидно, что в России ныне складывается уникальная ситуация, позволяющая сменить стратегическую парадигму в национальном вопросе с курса вялого полагания на «куда вывезет история», на перспективную парадигму формирования единой российской нации. Иначе говоря, сегодняшняя крайне противоречивая этнополитическая ситуация может стать и началом перехода на новый стратегический курс. Кризис этнического сознания в современной России, как и любой кризис, носит временный и преходящий характер. Он в конечном итоге завершится либо утратой («снятием») этничности, что маловероятно на обозримую историческую перспективу, либо обретением российскими этносами новых мотиваций и новых целей и появлением новых детерминантов идентичности – все зависит от эффективности политических стратегий Федерального центра в сфере национальных отношений.

Отсутствие стратегии как стратегия

В современном мире, пожалуй, лишь широкие и открытые рационально-коммуникативные отношения сообществ – носителей различных идентичностей, стилей и форм социального бытия являются единственным механизмом социальной интеграции⁶. Но пока, похоже, проблема межэтниче-

⁶ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб, издательство «Наука», 2000, 380 с.

Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис, 2003, № 4.

ской социально-культурной коммуникации мало интересует как российское сообщество, так и власть.

Впрочем, здесь напрашиваются некоторые уточнения. Конечно же, межэтническая коммуникация в ее широком понимании, будучи «квази-природной» по своей сути, совершается постоянно, каждодневно и стихийно во всех весях России. При этом, механизмами – средствами (медиумами) и «пространствами» подобной коммуникации, как известно, являются главные сферы социального бытия – экономика, культура, СМИ, стихия повседневности.

Что мы сегодня реально имеем в плане межэтнической коммуникации в этих сферах? В области экономики трудно говорить о какой-либо стратегической и продуктивной межэтнической коммуникации – трудовой, отраслевой, товарной или инфраструктурной, как об атрибутивном качестве современной российской политики. Значимые и содержательные экономико-коммуникативные отношения существуют главным образом со странами зарубежья, т. е. этносами Запада и СНГ. Экономики же российских этносов (этнических республик), за редкими исключениями (в частности, нефтегазовых регионов типа Татарстан, Башкортостан), не играют заметной роли в экономической жизни России, не являются значимыми агентами и коммуникаторами в общем пространстве экономики РФ, не существует даже механизмов «перелива избыточных трудовых ресурсов» республик, в том числе северокавказских. Напротив, этнические регионы России пока так и остаются в кризисе, бытуя в режиме нарастающего технологического отставания и профессионально-интеллектуальной деградации, что особенно характерно для республик Северного Кавказа.

А как выглядит ситуация в сфере межэтнических культурно-диалогических отношений? Пожалуй, единственная сфера культуры, где диалогические отношения в России носят устойчивый характер – это религия, что скорее является данью толерантности, но по понятным причинам не имеет прямого отношения к процессам глубинного взаимовлияния российских культур, а тем более – к их интеграции.

Не лучше обстоит дело и в сфере политической коммуникации. Политическая практика, конечно же, вынуждена (и пытается) как-то реагировать на острые проявления проблематики «национального вопроса». Но пока это происходит главным образом «реактивно», а значит, – ценой больших издержек и постоянного запаздывания политических решений (если они принимаются). В рамках современной практики федерального Центра политическая коммуникация с этническими сообществами крайне зажужена по составу субъектов и коммуникаторов – у нее лишь один реальный субъект: формальный лидер этнической республики (президент, глава администрации).

Подобная практика оставляет вне политико-коммуникативных процессов такой ключевой фактор этнического социального бытия, как интеллигенция, которая и «конструирует мир» и интенции этнического сознания, формирует общественное мнение и ментальные стереотипы этноса, его

политические ориентиры. Очевидна нерациональность этой ситуации – интересы России, задачи ее развития настоятельно требуют «новой социализации» национальной интеллигенции и повышения ее статуса, что, впрочем, вполне достижимо в рамках нынешней практики общенациональных проектов в случае, если их состав будет дополнен таким проектом, как, например, «Поликультурная Россия».

Теперь, о роли СМИ в этнополитических и этнокультурных процессах. Увы, практически все пространство СМИ, особенно электронных, в современной России едва ли ни монопольно занято массовой культурой европейско-американского образца. Правда, с появлением канала «Культура» русская культура начала возвращаться в пространство телевидения. Но этнические культуры пока так и остаются вне общего «эфирного пространства» страны.

А что касается «повседневности» межнациональных коммуникаций, то их нормативно-правовые основания, как уже подчеркивалось, весьма противоречивы: в сфере экономики они носят характер «неравной конкуренции», а в сфере культуры и социального бытия – характер нарастающей взаимной отчужденности и латентного конфликта.

Ко всему этому надо добавить, что одной из острейших проблем современной России вообще и межнациональных отношений в частности, становится феномен этнофобии и шовинизма. Сохраняющаяся и поныне инерция культурно-политических импульсов 90-х гг. – интенции русского сознания на «культурное возрождение» – ныне оборачивается явным редуцированием русской культуры к консервативным и даже архаическим формам; реанимацией былой субэтнической дифференциации русского этноса (казачества, мещер, поморов и т. д.) и ренессансом религиозности. Все это объективно дистанцирует русское сознание от всего культурно и этнически «иного» (инородца). Ситуация усугубляется тем, что сознанием российской (прежде всего русской) молодежи с нарастающей активностью завладевает массовая культура, которая в своих ценностях, нормах, формах и идентификационных маркерах позиционируется негативно по отношению к этническим культурам (кавказским особенно) уже в силу их «архаичности», «не стильности», «не клевости», «не гламурности».

Понятно, что культурное самопозиционирование человека и социума неизбежно, оно само по себе и не влечет негативного отношения к «иным культурам». Но новейшая история России складывалась так, что демонтаж советского уклада жизни в этнических республиках разворачивался в форме демонтажа культурных связей – отношений, а точнее – в форме конфликта культур и идентичностей, пробуждая этнофобию. Причины, подхлестнувшие в свое время этнофобию в России, также известны и понятны: парад суверенитетов республик и исход русских из них; чеченская война; монополизация торговли на продовольственных и вещевых рынках выходцами из стран СНГ. Ныне все эти проблемы, казалось бы, уже не имеют прежней остроты – чеченская война остановлена и ее последствия устраняются; в этнических республиках де-монтирована суверенность и наведена вертикаль власти, а «инородцы» лиши-

лись монопольного положения в сфере торговли. Но этнофобия в России, увы, не ослабевает. В чем причина такого положения? Факты свидетельствуют о том, что теперь этнофобия (особенно кавказофобия) уже обрела самостоятельную жизнь в информационном пространстве и активно бытует, не только и не столько отражая реальные феномены жизни и сознания, сколько навязывая ему нескончаемое «конфликтно-драматическое зрелище» – своеобразный сериал, шоу о лицах «кавказской национальности».

Этнофобия в СМИ – в формате «лицо кавказской национальности» – фактически стала неплохо сбываемым информационно-политическим товаром, бытующим по цинично-прагматическим правилам рынка: минимум затрат (средств, усилий, таланта) и максимум прибыли. Этот товар, судя по всему, просто необходим множеству малотиражных СМИ (распространенной в России форме малого бизнеса), изначально ориентированных на обывателя, психологически травмированного неудачами и тяжелыми социально-экономическими последствиями наших либералистских реформ. Этнофобию подпитывают и те политические силы (партии, движения), которым нечего предложить обществу кроме идеи борьбы с «инородцами», «лицами кавказской национальности», «незаконными мигрантами», т.е. «виноватыми».

Но самое главное заключается в том, что доминантный этнос страны – русский, сегодня находящийся в ситуации политического и социально-культурного вызова стать гражданской нацией в синтезе со всеми этносами Федерации и решить таким образом экзистенциальную задачу обеспечения целостности и единства России на перспективу, пока, судя по всему, не готов к этому. Соответственно, и российская политическая практика не может освободиться от стереотипов этнофобий. Более того, мифология вокруг подобных стереотипов частенько становится основой политической доктринации и философского дискурса деятелей, имеющих высокий статус в российском обществе и оказывающих серьезное влияние на сознание россиян.

Вот некоторые примеры. Деятель правого движения Б. Немцов до недавнего времени предлагал разгородить территорию Чечни стеной; известный политолог и журналист В. Третьяков всерьез настаивал на том, чтобы разграничить Северный Кавказ на «русские» и «нерусские» территории; признанный теоретик и идеолог РПЦ А. Кураев называл с газетных страниц неизбежность номадизма природным качеством неких этносов и народов (нетрудно догадаться каких). В ходу даже «кавказские доктрины», предлагающие практиковать для этого региона России «особые формы демократии». Все это вновь и вновь актуализирует проблему политической стратегии России в сфере национальных отношений.

Кондопога как вызов этнополитической стратегии России

Трудно выговариваемое название карельского городка фактически стало образно-смысловым выражением реального состояния этнополитического бытия современной России. Ситуация здесь такова, что «кондопога» в

масштабах несколько меньших – явление обыденное и прочно укоренившееся едва ли не во всех весях страны. Об этом вновь и вновь заявляют примеры из жизни Воронежа, Санкт-Петербурга, Самары, Астрахани, Сальска, Краснодарского и Ставропольского краев, Ингушетии. «Наши» – «не наши», «свои» – «чужие» – вот детонирующий лозунг и спусковой механизм всех событий кондопожского рода. Агрессивно-конфликтная идентификационная мера «свои» – «чужие» сегодня претендует стать детерминантом социальной коммуникации и политического поведения человека в России, стране на редкость многонациональной. Зловеще расползающийся пароль «свои – чужие» уже ставит под вопрос само основание полиэтнического и полирасового бытия России, а значит, и ее исторические перспективы.

Острый межэтнический конфликт в Кондопоге, будучи объективным отражением общей проблемности российского социального бытия, имеет (как и все типическое) и конкретные измерения «здесь и сейчас»: конкретные причины и конкретных акторов. И актор в данном случае типический для современной России – «лицо кавказской национальности».

Вот здесь мы подошли к одному из острейших в отношении социального бытия современной России вопросов – к вопросу о «генеалогии лица кавказской национальности». Дело в том, что наши реформы, казалось бы, должны опираться на рационально-мотивированную активность «снизу» и горизонтальные отношения в социуме, изначально (с 90 гг.) строились как-то превратно: сверху и на редкость императивно, как мессианское деяние. Соответственно, и плоды этих реформ изобилуют превращенными формами, а сама социально-политическая среда в современной России структурирована, скорее, не принципом равных возможностей, не механизмами и ценностями демократии и либерализма, а олигархизмом (самых различных форм и масштабов), авторитаризмом, этатизмом и эгоистичным (если не сказать, агрессивно наступательным) корпоративизмом. Более того, эти «порождающие начала» наших реформ и их активность отлились в особые социально-культурные формы, фиксирующие распределение ресурсов общества в современной России явно не принципу равных возможностей.

Вот некоторые примеры этих форм, которые у нас ныне по всей России выступают, как воплощение и выражение «высокой моды удавшейся жизни» («пира жизни»): «муж мэр, жена – успешный предприниматель» (варианты: муж – президент этнической республики, губернатор края/области, министр, прокурор, судья, а в качестве успешного предпринимателя – сын, дочь, зять, брат, тесть, теща, друг, друг семьи т. д.).

А между тем, при кажущемся разнообразии форм слитности власти и бизнеса (форм «приватизации возможностей»), произросших на ниве наших «либеральных» реформ, за ними стоит фактически один и тот же тип совсем не либеральной экономики – коррупционная, данническая экономика. А она в современной России, как показывают факты, чрезвычайно многообразна в механизмах и формах своего существования. Так, когда речь идет «об авторитетном мэре» крупного города (или «влиятельном губернаторе» российского

мегаполиса), прочно встроенном в вертикаль власти, данническая экономика функционирует в форме конвертации политического влияния одного мэра (губернатора) в «собственность – деньги – бизнес», а в роли данников выступает «электорат», все население, без явной персонификации.

Подобная форма даннической экономики у нас стала практически «легитимной» и, как это ни странно, не вызывает в обществе заметных по активности протестов. Другое дело, когда речь идет о чиновниках рангом ниже – префектах, мэрах небольших городов, милицейских чинах. Здесь данническая экономика по понятным причинам и с необходимостью падает на плечи конкретных данников, «призванных лиц», каковыми часто оказываются те, кого в России ныне недружелюбно именуют «лицами кавказской национальности». Призываются именно эти лица. Их ценность и незаменимость в системе современной российской коррупционной экономики, как нетрудно понять, заключается лишь в одном – в приверженности к традициям дней минувших, в том числе и к данническим. Вот и идет «кавказский рекрут» в вотчины российского чиновника средней руки, от Калининграда до Камчатки и Магадана, а следом – и «диффузия» кавказцев. Но дело в том, что в этом стихийном и драматичном «процессе-контексте» объективно складываются, как уже не раз подчеркивалось, фундаментальные предпосылки к перемешиванию этносов, становлению единого российского гражданско-политического сообщества, против чего, увы, принципиально направлен кондопожский феномен.

Таким образом, феномен Кондопоги не только сигнал о «неустроенности жизни» некоего городка на периферии страны, но и типическое измерение, если угодно, эмпирическая фиксация современного состояния этнополитической стратегии страны, – здесь пока опасным образом доминируют социальная стихия, этнофобия, «война идентичностей» при отсутствии рационально выраженной политической воли.

Этнополитическая стратегия России на Северном Кавказе

Очевидно, что выходом из нынешней, бесспорно опасной этнополитической ситуации может быть только стратегический проект «устроения» российского (в том числе и северокавказского) социального бытия, начиная с базовых аспектов – экономического, трудового. Дело в том, что Северный Кавказ в силу ряда причин, в том числе и неравномерного развития субъектов РФ, находится в ситуации нарастающего отставания, – как по темпам, так по и качеству социально-экономического развития, (имеется ввиду – от средних показателей по стране). Неравномерность развития регионов, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к этнополитической стратегии страны. Однако в современной России она обрела такие масштабы, что становится не только источником социально-политического противоречия «центр-периферия», но и фактическим свидетельством отсутствия в стране политических механизмов регулирования мобильности ре-

сурсови(труда, капитала, социально-культурных идентичностей), без чего трудно рассчитывать на решение этнополитических проблем.

В порядке иллюстрации приведем лишь один пример. По данным из общедоступных источников (в том числе «Российской газеты», правительственных сайтов), 32% всех прямых инвестиций в экономику РФ в 2006 г. пришлось на два региона – Москву и Санкт-Петербург, 73% – на 12 регионов (куда входят и эти два региона). Таким образом, на долю оставшихся 74 регионов страны выпало всего лишь 27%. Налицо чрезвычайно «инвестиционный разрыв» между регионами, за которым неизбежно следует и разрыв, как в темпах, так и в качестве развития. Это особенно остро проявляется на Северном Кавказе. Ситуация нарастающего отставания в северокавказских республиках такова, что не может быть устранена лишь на основе рыночных механизмов, поскольку здесь действуют существенные внерыночные факторы.

Вот некоторые из них:

1. Россия, а точнее ее центральные промышленные регионы, как известно, уже переходят (или перешли) от периода политической и экономической стабилизации к этапу развития – рыночные механизмы и либерализация экономики работают эффективно. Северокавказский регион, напротив, в силу накопленных в прошлом отставаний, все еще находится в условиях («в зоне») переходной ситуации, когда рыночные механизмы не срабатывают должным образом, что обрекает регион на нарастающее отставание.

2. Экономический рост этнических республик сдерживается целым рядом факторов политического и культурного плана. В их числе:

- высокий уровень инвестиционного риска в связи с общей неблагоприятной ситуацией в регионе, ее сложностями;
- отсутствие в республиках инвестиционных ресурсов или их явная недостаточность;
- специфичный характер распределения трудовых ресурсов в этом регионе, когда около 60% безработного (незанятого) населения в силу особенностей культуры сосредоточено в крупных селах этнических республик, практически лишенных инфраструктуры, необходимой для экономической, промышленно-производственной деятельности.

Но самое главное, ситуация нарастающего разрыва в уровнях развития России в целом и республиках Южного региона в частности начинает обретать самовоспроизводящийся характер в силу действия следующего замкнутого цикла («петли»): высокий уровень инвестиционного риска и инфраструктурная неразвитость отталкивает потенциальных инвесторов, а отсутствие значимых инвестиций ускоряет деградацию производственно-технологического потенциала региона. Речь фактически идет о появлении «петли отчуждения кавказского региона от развития».

К чему ведет ее действие видно на примере Кабардино-Балкарии, если проследить тенденции развития структуры валового регионального продукта этой республики за последние 12 лет. Так, относительная доля промыш-

ленности в структуре ВРП КБР за указанный период сократилась с 25,5% до 12%, транспорта и связи – с 4,5% до 2,8%, отраслей обслуживания – с 27% до 16,8%. В то же время, в структуре ВРП этой республики за означенный период резко возросли доли сельского хозяйства и торговли: соответственно, с 14,2% до 27,8% и с 19,5% до 26,8%. Таким образом, за последние 12 лет социально-экономическое пространство КБР фактически трансформировалось «попятно» и регрессивно – от индустриально-аграрного типа к аграрно-торговому типу, явно указывая на откат исторического масштаба. Справедливости ради заметим, ныне в КБР принимаются меры к выходу из этой сложной ситуации, но «петля отставания» в регионе пока продолжает действовать. Если не переломить эту ситуацию конкретными программными мерами Федеральных властей, трудно рассчитывать на стабилизацию в регионе.

Конкретно речь могла бы идти о следующих мерах:

- создании в ЮФО специального фонда страхования инвестиционных рисков;
- реализации специальных государственных (региональных) проектов инфраструктурного развития крупных сельских поселений северокавказских республик с учетом социально-политической значимости этой проблемы;
- государственной поддержке инфраструктурного развития рекреационных зон республик этого региона. Тем более что в РФ, похоже, реанимируется практика долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития.

Важно, чтобы это коснулось также и мобильности трудовых ресурсов (людей, семей, идентичностей, культур и их конвергенции). А в отношении северокавказского региона речь должна идти о создании механизмов «откачки» избыточных трудовых ресурсов в другие регионы России. Именно здесь кроется самый тугой узел противоречий этнополитической ситуации в северокавказском регионе. Сегодня в России не только не существует реальных механизмов, стимулирующих отток незанятых рабочих рук из республик ЮФО, но даже те кавказцы, которые пытается самостоятельно решать эту задачу, наталкиваются на стену этнофобии, оказываются в ситуации повсеместной войны «своих – чужих», «наших – не наших».

Вероятно, можно еще какое-то время ждать «куда вывезет история», ограничиваясь сетованиями на сложность означенных проблем, советами не «подстегивать» события и довериться «мудрости истории», рациональности рынка (как это имеет место быть уже 15-20 лет). Но все указывает на то, что настала пора системных действий на политическом уровне, на уровне национальных стратегий – пора начинать расчистку завалов на пути к становлению единого российского, гражданско-политического сообщества. Речь идет о создании необходимых условий формирования российской нации, а значит, о социальном конструировании в новой России, о возможных формах и масштабах подобной практики. На арене научно-философской мысли можно говорить вообще о «конструировании хороше-

го общества»⁷. А пока получается так, что негативизм к социально-конструктивистским практикам советской системы, которая, как известно, была завязана на тотальную социальную инженерию и идеологический прессинг, привел нас к другой крайности – к упованию на механизмы рынка и на их «регулирующую рациональность». Но время показало, а политическая практика последних лет еще и подтвердила необходимость социального конструирования. Объектом такой стратегии в современной России должна стать, прежде всего, социально-культурная идентичность. Идентичность, будучи конструктом сознания, неустранимо содержит мотивационные, а значит, – регулируемые и конструируемые аспекты. Более того, поскольку идентичность, как и любой продукт сознания, носит дискурсивный характер, рациональная коммуникация в самом широком понимании (политическая, культурная, экономическая, информационная) является реальным инструментом ее формирования и корректировки (впрочем, рациональная коммуникация в современных политических теориях интерпретируется еще шире – как главная основа социальной общности⁸). Цель конструирования и проективно-регулятивных (политических) усилий в данном случае очевидна: конвергенция и синтез российских социальных и культурных идентичностей как фундаментальное условие развития России и всех ее регионов.

В этом контексте вполне уместно кое-что переосмыслить и в нашей недавней советской практике, которая, как к этому не относиться, сумела неплохо выстроить проект «единства и дружбы народов». Речь идет, прежде всего, о главнейших и объемлющих пространствах коммуникации и социального конструирования, каковыми являются сфера образования и СМИ. В частности, одним из элементов федерального компонента школьного образования мог бы стать предмет «Литература народов России» (как некогда и было), а культура и искусство российских этносов могли бы найти место на телеканале «Культура».

Очевидно, что в процессы синтеза новой российской социально-культурной идентичности должны быть задействованы и национальные проекты экономического плана, их механизмы. Например, было бы разумно введение в стране земельного ваучера. Здесь, вероятно, уместны пояснения. В массовом сознании россиян бытует мнение, что кавказцы «прикипели» к своим скалам, их оттуда не вытащишь, а значит, – о перекачке избыточных трудовых ресурсов и речи не может быть. Возможно, так оно и было когда-то, в прошлом. Ныне кавказец рвется вглубь России, частенько испытывая, как свидетельствует повседневность, отторжение в своей стране, от своих сограждан.

А между тем, эту проблему можно было бы снять или значительно снизить ее остроту, если бы в России земельный вопрос решался бы на долж-

⁷ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., Прогресс-Традиция, 2005, 443 с.

⁸ Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис, 2003, № 4.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М., Прогресс-Традиция, 2005, 443 с.

ном системном уровне. Т. е. не в рамках отдельно взятого муниципалитета и закреплённых за ним (наличных здесь и сейчас) земельных массивов, как это сегодня имеет место быть, а в целом по стране – в равном отношении ко всем россиянам, избравшим для себя судьбу землепашца (скажем, посредством введения «земельного ваучера», равного для всех крестьян страны достоинства). А пока картина следующая: в одних регионах страны крестьянин имеет (получил) все 50 гектаров, а в других он не получит и не может получить больше, чем 0,2-0,3 гектара, поскольку нет земли. Соответственно, в одних весях (в глубинках России) – земли брошены, рук не хватает, а в других (на Северном Кавказе, например) – дефицит земли и предельное перенаселение. И это происходит в одной стране – с единым конституционным пространством, с равными гражданскими правами.

Подчеркнем еще раз, цель предлагаемого национального (общероссийского) проекта «Земельный ваучер» – не только устранение (по возможности) существующих в сферах землепользования и демографии проблем, но и создание фундаментальных предпосылок к этносоциальной мобильности, а значит, – к конструированию российской национальной идентичности, к преобразованию ментального мира россиянина, к достижению социальной конвенции в обществе.

Так, мы вновь приходим к проблеме национальной (этнической) гуманитарной интеллигенции. Постоянная самоидентификация этнического социума в культурном, социальном и политическом отношениях, неизбежно сопровождающаяся гальванизацией сознания, вспышками массовых ожиданий, хаотизацией или перестройкой социальных связей-отношений, является экзистенциальной потребностью социума, а значит, «вечным» и неустранимым процессом. Лишь этническая интеллигенция в состоянии привнести в эти сложные процессы рациональные начала и интеллектуальные «директивы» – смыслы, цели, направления и неразрушительные способы поведения и действия. Если учитывать это обстоятельство, становится ясно, что необходимо интегрировать этническую гуманитарную интеллигенцию в структуры и механизмы формирования единого гражданского общества России, российской нации. Это возможно, как уже подчеркивалось, на основе механизмов общенациональных (общероссийских) проектов, таких, например, как: «Поликультурная Россия», «Стратегия синтеза российской социально-культурной идентичности» и др.